

УДК 940.53

**Катастрофа советских войск весной 1942 года под Харьковом
в свете новых архивных документов**

Жайворонок А. Б.

Белорусский национальный технический университет

Одной из наиболее трагичных страниц Великой Отечественной войны является поражение советских войск под Харьковом в мае 1942 г., которое привело не только к большим человеческим жертвам, но и серьезному осложнению обстановки на советско-германском фронте летом 1942 г.

В своих воспоминаниях Н. С. Хрущев пытался оправдать себя, а также командование Юго-Западного фронта за просчеты.

Разобраться в причинах катастрофы наших войск под Харьковом можно, лишь изучив документы, отражающие те трагические события, особенно их новые поступления.

22 марта 1942 г. Военный совет Юго-Западного фронта советских войск (напомню, что в Военный совет фронта входили главнокомандующий Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, член Военного совета Н. С. Хрущев, начальник штаба генерал-лейтенант И. Х. Баграмян) представил в Ставку ВГК доклад, в котором были подведены итоги зимнего наступления, сделан анализ немецко-фашистской группировки, определена стратегическая цель действий войск направления в летней кампании.

Рассмотрев возможные намерения гитлеровского командования в предстоящую кампанию, авторы доклада пришли к заключению, что противник, несмотря на крупную неудачу осеннего наступления

на Москву, весной главные свои операции с целью овладения нашей столицей вновь развернет на Московском направлении. На юге против войск Юго-Западного фронта они ожидали вспомогательный удар врага. Этот ошибочный вывод и был положен в основу разработки доклада и последующего планирования боевых действий.

Тщательный анализ приведенных в докладе данных о противнике показывает, что оснований для такого вывода у командования Юго-Западного фронта было явно недостаточно. Единственным доводом Военного совета можно считать приведенное сообщение, что главная группировка немцев в то время по-прежнему была прикована к Московскому направлению. Но где же, как не на этом направлении, к моменту подготовки доклада могла находиться наиболее сильная группировка немецко-фашистских войск? Она была сосредоточена на этом направлении еще осенью 1941 г., когда операции по овладению столицей Советского Союза гитлеровское командование придавало первостепенное значение, связывая с ней свои надежды на победоносное завершение войны на Востоке.

Но весной 1942 г. обстановка на этом направлении значительно изменилась. Разведывательный отдел штаба Южного фронта неоднократно доносил в штаб Юго-Западного фронта о значительных перемещениях войск противника в южные районы страны. Но Военный совет и штаб не обратил внимания на эти кажущиеся очевидными весьма существенные факты, а просто повторили складывавшиеся в этот период в Ставке ошибочное мнение о вероятном замысле действий противника в летней кампании 1942 г.

Генерал И. Х. Баграмян (уже будучи Маршалом Советского Союза) в мемуарах пишет, что такое мнение высказал главком направления С. К. Тимошенко сразу же при постановке задачи штабу на подготовку

доклада. При этом он будто бы подтвердил свою мысль словами, что «такого мнения придерживается и Ставка Верховного Главнокомандования...»

Следует иметь в виду, что С. К. Тимошенко в то время еще числился членом Ставки ВГК. Хотя на ее заседания он не приглашался, но был информирован, какого мнения на этот счет придерживается Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин, и не хотел высказывать иные соображения, старался угодить ему. Н. С. Хрущев, утверждает Баграмян, откровенно заявлял, что он недостаточно компетентен в чисто военных вопросах. Баграмян же, надо полагать, проявил робость перед Тимошенко, беспрекословно согласившись с его позицией.

Строго научный анализ оперативно-стратегической обстановки того времени, оценка боевых возможностей войск позволяет сделать вывод, что силами Юго-Западного фронта провести весной 1942 г. большое наступление, превышающем тысячу километров, разгромить противостоящую группировку врага, было нереально.

При подготовке операции не удалось достичь превосходства над врагом в живой силе. Немецкие пехотные дивизии к тому времени, пройдя с боями по полям Польши, Югославии, Украины, приобрели большой опыт ведения наступления. Они превосходили аналогичные советские соединения не только по численности, но и в огневой мощи, ударной силе и средствах управления. Особенно низка была обеспеченность наших войск танками, противотанковыми и зенитными орудиями, а также радиосредствами, крайне необходимыми для управления частями и подразделениями в наступательных боях.

После тяжелых поражений советских войск под Брянском, Киевом, Вязьмой и понесенных потерь вновь сформированные соединения состояли, как правило, из новобранцев, недостаточно подготовленных

в военном отношении. Командный состав низших эшелонов управления (взвод, рота, батальон) состоял в основном из офицеров призванных из запаса или подготовленных на краткосрочных курсах, и также еще не успел приобрести боевого опыта.

Воздушные силы врага не только превосходили наши в количестве, но и имели более качественные боевые самолеты. Почти треть общего парка авиации фронтов юго-западного направления в то время составляли самолеты У-2. Совершенно очевидно, что эти машины простейшей конструкции, созданные как учебные, нельзя даже сравнивать ни с одним из вражеских боевых самолетов.

Одним из самых важных преимуществ врага состояло в том, что немецкие пехотные дивизии благодаря имевшемуся в гитлеровской армии большому парку машин были по-прежнему маневреннее советских войск. В целом наши стрелковые дивизии были, как утверждает Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, «практически в два раза слабее немецких».

Объективный анализ создавшейся на юге весной 1942 г. обстановки показывает, что наиболее целесообразным решением являлся переход фронтов юго-западного направления к временной обороне. Это позволило бы выиграть время для укрепления своих войск, подготовки их к наступательным действиям, а при возобновлении наступления противником измотать его оборонительными боями, нанести ему максимальные потери, изменить соотношение сил в свою пользу и тем самым создать благоприятные условия для наступления.

Почему же Военный совет Юго-Западного фронта, не располагая достаточными силами, средствами и возможностями для ведения большого наступления, все же предложил принять его? Думается, что ответ на этот вопрос надо искать в том же стремлении Маршала С. К. Тимошенко и Н. С. Хрущева угодить И. В. Сталину, который, как известно, вопреки

мнению Генштаба, был сторонником захвата инициативы действий в свои руки на ряде участков южного крыла советско-германского фронта путем упреждения противника в переходе в наступление.

Здесь нельзя умолчать и о странной позиции генерала И. Х. Баграмяна. Готовя по указанию главкома направления предложения по организации наступления, он по долгу службы обязан был обратить внимание Военного совета на сложность проведения столь крупной операции, на неподготовленность войск фронтов к решению намечаемых оперативных задач. Тем не менее И. Х. Баграмян, закончивший две военные академии, хорошо подготовленный в военно-теоретическом отношении, к тому времени уже приобретший опыт штабной работы в боевых условиях, умевший анализировать обстановку и делать обоснованные выводы, этого не сделал при подготовке доклада, видимо, по причине той же робости перед непосредственными начальниками, нежелания осложнять отношения.

12 мая 1942 г. советские войска начали наступление и продвинулись в глубь территории противника на 25-50 км. Но, увлекшись наступлением, упустили время ввода в бой резервов и уже 14 мая стало очевидно, что силы наступающих войск истощены. В то же время противник успел подтянуть необходимые резервы и в последующем их эффективно использовал.

18 мая наступил кризис для наступающих советских частей, который умело использовал противник, перейдя 19 мая в контрнаступление. При его проведении немцы нанесли поражение 9-й армии Южного фронта и образовали 80-километровую брешь в расположении наших войск, куда и устремились части противника. В результате этого наступление советских войск на Харьков было прекращено, а усилия С. К. Тимошенко

остановить врага из-за отсутствия должной авиационной и артиллерийской поддержки успеха не имели.

В развитии немецкого контрнаступления большая роль принадлежала ударной танковой группе генерала Клейста. Клейст, в свое время, с отличием закончил наше Казанское танковое училище и хорошо знал тактику советских войск. Именно эта группа 22 мая нанесла мощный удар с Чучуевского выступа и замкнула кольцо окружения наших войск. Отход советским войскам за Северный Донец был отрезан.

Окруженные части наших войск сражались под командованием генерал-лейтенанта А. В. Костенко, но из-за подавляющего превосходства немцев в воздухе и катастрофической нехватки материальных средств были обречены. В последующем из окружения удалось вырваться только 22 тыс. личного состава, а окруженные части сражались до 29 мая.

Всего в боях под Харьковом наши войска потеряли 267 тыс. человек, из них 207 тыс. попали в окружение. Анализ архивных материалов позволяет утверждать, что основными причинами этой катастрофы были:

- необоснованные отклонения от общего плана операции;
- плохая организация взаимодействия войск;
- слабая разведка не только при подготовке наступления своих войск, но и пропуск контрударов противника;
- ряд оперативных промахов командования в ходе подготовки и проведения операции.

Необходимо отметить и то, что командование направления не самокритично и не искренне оценило положение дел и всю вину за поражение возложило на командование Южным фронтом и 9-й армией, причем в донесении в Ставку ВГК было указано, что это произошло «из-за слабого управления и неумелого руководства войсками». Это можно назвать кощунством, так как из-за отсутствия связи и устойчивого

управления командиры вынуждены были руководить операцией непосредственно на передовой и почти все погибли.

Итог этого сражения был подведен в специальной директиве Ставки ВГК от 26 июня 1942 г. После определенного анализа основная часть вины была возложена на И. Х. Баграмяна. Он был понижен в должности и назначен начальником штаба 28-й армии. С. К. Тимошенко и Н. С. Хрущев были строго предупреждены. В последующем Баграмян в своих мемуарах указывал лишь на определенные трудности в ходе подготовки этой операции и своей конкретной вины не признал.